

Санкт-Петербургский государственный университет

Анпилогов Никита Михайлович

Выпускная квалификационная работа

**Сальдирование взаимных предоставлений (материальное содержание и
процессуальная реализация)**

Уровень образования: магистратура

Направление 40.04.01 «Юриспруденция»

Основная образовательная программа ВМ.5552. «Гражданский процесс,
арбитражный процесс»

Научный руководитель:
профессор кафедры
гражданского процесса, кандидат
юридических наук
Шварц Михаил Зиновьевич

Рецензент:
Начальник отдела,
Комитет по
промышленной
политике и
инновациям,
Администрация
Губернатора Санкт-
Петербурга
Спиридонов Дмитрий Юрьевич

Санкт-Петербург
2021

Оглавление

Введение: постановка проблемы.....	3
Глава 1. Анализ Определения Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 02.05.2017 № 305-ЭС16-20304.....	12
§ 1. Фактические обстоятельства дела.....	12
§ 2. Соотношение арифметических и фактических действий	14
§ 3. Анализ позиции Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации	16
Глава 2. Анализ правовых аспектов реализации концепции сальдирования взаимных предоставлений	19
§ 1. Процессуально-правовые аспекты	19
§ 2. Материально-правовые аспекты	31
§ 3. Автоматический зачет	34
Заключение	39
Список использованных источников	41

Введение: постановка проблемы

Сальдирование — соотнесение взаимных предоставлений, в результате которого вычленяется итоговое обязательство, подлежащее судебной защите.

Сущность обозначенной концепции состоит, как это видно из приведённого определения, в соотнесении между собой двух обязательств с вычленением одного результирующего. Иллюстрацией применения указанного подхода может служить следующий пример.

Между заказчиком ООО «Конан» и поставщиком ООО «Варвар» заключен договор поставки. В случае, если ООО «Варвар» была допущена поставка некачественного товара, а ООО «Конан» — просрочка оплаты такого товара, то у каждой из сторон возникло встречное обязательство по отношению к другой стороне. Основанием возникновения обязательства для ООО «Конан» служат положения договора поставки, а также норма статьи 395 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), а основанием ответственности ООО «Варвар» — положения договора поставки и норма статьи 475 ГК РФ.

В случае наличия разности между ними, одно из обязательств обладает большим размером, а объем предоставления, который предполагает собой такое обязательство, «поглощает» собой встречное по отношению к нему требование. В связи с этим мы имеем возможность вычестить из большего требования меньшее и, таким образом, вычленить одно «итоговое» обязательство, существующее и подлежащее судебной защите.

Справедливым замечанием в данном контексте будет указание на возможность для сторон произвести зачет встречных требований. Указанная возможность установлена нормой статьи 410 ГК РФ. Согласно данной норме, обязательство может быть прекращено полностью или частично зачетом встречного однородного требования, срок которого наступил, либо срок которого не указан или определен моментом востребования. Законодатель, таким образом, формулирует в приведённой норме следующие условия зачета: встречность требований, их однородность, а также осуществимость требования

заявителя зачета. Не менее важное положение установлено законодателем во второй части нормы статьи 410 ГК РФ: для зачета достаточно заявления одной стороны. Сопоставив указанную норму с установлениями пункта 2 статьи 154 ГК РФ, очевидным представляется тот факт, что законодатель мыслит зачет односторонней сделкой.

В этом кроется ключевое различие процедуры зачета в смысле статьи 410 ГК РФ и сальдирования. Если в первом, как было отмечено нами ранее, для прекращения обязательства зачетом требуется одностороннее волеизъявление, то в случае с установлением сальдо взаимных предоставлений необходимость такого волеизъявления может быть поставлена под вопрос.

Концепция сальдирования, как основания прекращения обязательства, была впервые сформулирована в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее — ВАС РФ) от 14.03.2014 № 17 "Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга". В соответствии с позицией, выраженной в пункте 3.1 указанного Постановления, расторжение договора выкупного лизинга порождает необходимость соотнести взаимные предоставления сторон по договору, совершенные до момента его расторжения (сальдо встречных обязательств), и определить завершающую обязанность одной стороны в отношении другой.

При этом ВАС РФ, формулируя правила определения обязанности при расторжении договора выкупного лизинга, описывает две возможные ситуации, иллюстрирующие порядок применения концепции¹ сальдирования:

- 1) Если полученные лизингодателем от лизингополучателя платежи (за исключением авансового) в совокупности со стоимостью возвращенного ему предмета лизинга меньше доказанной лизингодателем суммы предоставленного лизингополучателю финансирования, платы за названное финансирование за время до

¹ Вероятно, более благозвучным вариантом было бы обозначение сальдирования в качестве «процедуры». Считаем, однако, что такой вывод был бы в известной степени преждевременным, так как процедурой, как известно, именуется какой-либо порядок действий. В случае же сальдирования вопрос о необходимости совершения кем-либо действий является открытым.

фактического возврата этого финансирования, а также убытков лизингодателя и иных санкций, установленных законом или договором, лизингодатель вправе взыскать с лизингополучателя соответствующую разницу².

- 2) Если внесенные лизингополучателем лизингодателю платежи (за исключением авансового) в совокупности со стоимостью возвращенного предмета лизинга превышают доказанную лизингодателем сумму предоставленного лизингополучателю финансирования, платы за названное финансирование за время до фактического возврата этого финансирования, а также убытков и иных санкций, предусмотренных законом или договором, лизингополучатель вправе взыскать с лизингодателя соответствующую разницу³.

Резюмируя примеры применения концепции сальдирования, приводимые ВАС РФ, отметим, что хоть критерии применимости к отношениям сторон при расторжении договора выкупного лизинга судом и не обозначаются явным образом, но тем не менее остаются установимы. Исходя из описанной позиции ВАС РФ, полагаем, что условием расчета сальдо взаимных предоставлений является существование между сторонами встречных однородных требований, которые при этом сохраняют за собой свойство осуществимости. Таким образом, по критериям своего осуществления сальдирование действительно оказывается в существенной степени приближено к процедуре зачета.

В то же время не менее важно обратить внимание на иную деталь, прослеживающуюся в правилах, сформулированных ВАС РФ. Права требования лица, существующие в большем размере, нежели встречные по отношению к ним обязательства должника, оказываются прекратившимися в части, «покрытой» такими встречными требованиями. При этом о необходимости какого-либо волеизъявления, хоть бы и одностороннего, Высший Арбитражный Суд РФ умалчивает.

² Пункт 3.2 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 №17;

³ Пункт 3.3 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 №17

Отметим, что акцент на отсутствии необходимости в совершении какого-либо действия не является сугубо доктринальным и умозрительным элементом, искусственно вносящим неопределенность в стройную систему прекращения обязательств.

Особую значимость указанное свойство и, следовательно, разграничение между сальдированием и зачетом приобретает в контексте процедуры банкротства.

В соответствии с нормой абзаца 6 пункта 1 статьи 63 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве), с даты вынесения арбитражным судом определения о введении наблюдения в рамках процедуры банкротства не допускается прекращение денежных обязательств должника путем зачета встречного однородного требования, если при этом нарушается установленная пунктом 4 статьи 134 ФЗ Закона о банкротстве очередность удовлетворения требований кредиторов. В связи с этим мы склонны разделять позицию исследователей, полагающих, что запрет на осуществление зачета после введения процедуры наблюдения устанавливается законодателем на все протяжении процедуры банкротства — от ее начала до ликвидации должника⁴.

Помимо норм, ограничивающих осуществление зачета непосредственно в ходе процедуры банкротства, законодатель налагает ряд ограничений и на сделки зачета, имевшие место в прошлом. Так, согласно статьям 61.1-61.9 Закона о банкротстве, оспариванию подлежат сделки должника, отвечающие критериям, установленным положениями указанного федерального закона. В частности, к таким сделкам может быть отнесена также и сделка зачета, в случае если такой зачет, будучи произведенным, влечет за собой оказание предпочтения одному из кредиторов перед другими кредиторами.

При этом, учитывая одностороннюю природу сделки зачета, отдельного внимания заслуживает позиция Высшего Арбитражного Суда Российской

⁴Егоров А.В. Зачет при банкротстве: российское право и мировые тенденции // Закон. – № 8. – 2011.

Федерации (далее — ВАС РФ), изложенная им в Постановлении Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”». В соответствии с позицией Пленума, изложенной в указанном судебном акте, к сделкам, совершенным не должником, а другими лицами за счет должника, которые в силу пункта 1 статьи 61.1 Закона о банкротстве могут быть признаны недействительными по правилам главы III.1 этого Закона (в том числе на основании статей 61.2 или 61.3), может, в частности, относиться сделанное кредитором должника заявление о зачете.

Таким образом, ограничение, установленное законодателем для сделок зачета в прошлом, распространяет свое действие не только на лицо, в отношении которого введена процедура банкротства, но и на его кредиторов, что существенным образом затрудняет зачет взаимных требований на практике.

В связи с этим следует прийти к выводу о том, что особую остроту в контексте банкротства приобретает вопрос, имеющий отношение к одному из ключевых элементов сформулированной ВАС РФ концепции сальдирования. Несмотря на критикуемый многими исследователями консервативный подход отечественного законодателя к вопросу совершения зачета в банкротстве⁵, правоприменителями идея сальдирования была воспринята и реализована в практике разрешения, в том числе, дел о банкротстве.

Отдельного упоминания в данном контексте заслуживает определение Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ), вынесенное им в рамках дела о банкротстве. Это определение, по выражению некоторых исследователей⁶, носило практикообразующий характер и, в конечном итоге, внесло решающий вклад в закрепление концепции сальдирования во взгляде отечественных судов на проблематику зачета в делах о банкротстве. Речь в данном случае идет об Определении ВС РФ от 29.01.2018 № 304-ЭС17-14946.

⁵ В качестве критики отечественного подхода исследователями нередко приводится пример германского законодательства, предлагающего более либеральный подход к процедуре зачета взаимных требований.

⁶ Егоров А.В. Сальдирование и зачет: соотношение понятий для целей оспаривания при банкротстве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – № 7. – 2019.

Учитывая описанную значимость указанного акта ВС РФ, считаем необходимым кратко изложить детали данного дела, заслуживающие отдельного внимания. Фабула спора следующая:

Между подрядчиком (далее — Должник) и Заказчиком 21.02.2014 г. заключен ряд договоров строительного подряда, по условиям которых Должник принял на себя обязательства по строительству жилых домов малой этажности, а Заказчик — по обеспечению строительства основной частью необходимых материалов и по оплате выполненных работ.

Письмом от 31.10.2014 Заказчик в связи с нарушением Должником сроков выполнения работ уведомил последнего об отказе от исполнения договоров и просил передать результаты фактически исполненного.

Определением Арбитражного суда Омской области от 17.07.2015 принято к производству заявление о признании Должника несостоятельным (банкротом).

Впоследствии Заказчик направил Должнику письмо от 15.10.2015, в котором заявил, что засчитывает против требований Должника об оплате выполненных работ свои требования, также возникшие из подрядных сделок.

Решением Арбитражного суда Омской области от 26.05.2016 Должник был признан несостоятельным (банкротом).

Оценив изложенные фактические обстоятельства, конкурсный управляющий Должника обратился в суд с заявлением о признании недействительной сделки зачета встречных однородных требований, так как такая сделка, по мнению управляющего, повлекла за собой преимущественное удовлетворение требований Заказчика по отношению к иным ожидающим исполнения кредиторам.

Нижестоящие инстанции, удовлетворяя заявление конкурсного управляющего, применив обозначенные нами ранее положения Закона о банкротстве, указали, что сделка зачета в связи с ее совершением «в обход» установленной очередности удовлетворения требований в деле о банкротстве нарушает имущественные интересы иных кредиторов и должна быть признана недействительной.

Не соглашаясь с изложенными аргументами, ВС РФ отменил решения нижестоящих судов, оставив в силе определение суда первой инстанции, которым в удовлетворении требований конкурсного управляющего было отказано. В обоснование настоящего решения суд указал, что прекращение договора подряда не должно приводить к неосновательному обогащению заказчика, связанному с освобождением его от обязанности по оплате работ, выполненных до прекращения договора и принятых заказчиком. Далее суд в своей аргументации, имплицитно ссылаясь на позицию ВАС РФ, выраженную в рассмотренном нами ранее Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14.03.2014 № 17, указывает, что прекращение договора подряда порождает необходимость соотнесения взаимных предоставлений сторон договора для определения завершающей обязанности одной из сторон в отношении другой.

Развивая указанную мысль, Верховный Суд отмечает, что письмо Заказчика, *поименованное заявлением о зачете*, в сущности лишь определяет завершающее сальдо по подрядным сделкам с учетом частичного выполнения работ, выявленных недостатков этих работ, произведенного заказчиком авансирования и передачи им материалов подрядчику, не использованных последним и не возвращенных заказчику после прекращения договоров, убытков, возникших на стороне заказчика в связи с неисправностью подрядчика. В связи с этим, по мнению судебной коллегии, действия, направленные на установление сальдо взаимных предоставлений, **не являются сделкой, которая может быть оспорена на основании Закона о банкротстве**, так как в ней отсутствует такой ранее отмеченный нами квалифицирующий признак, как получение заказчиком предпочтения перед иными кредиторами Должника.

Комментируя⁷ описанный судебный акт, Разумов Иван Васильевич, выступавший в данном деле в качестве председательствующего судьи, отметил, что позиция, принятая Верховным Судом РФ, носила сугубо практический

⁷ Разумов И.В. Институт банкротства экономически неэффективен. "Закон" - № 9 – 2020.

характер. Само словоупотребление «сальдирование», по словам судьи, призвано избавить судебный акт от научной дискуссии о разграничении между собой зачета встречных требований и установления сальдо взаимных предоставлений. Напротив, на первый план, по мнению Разумова, следовало вывести вопрос о том, имеет ли место в конкретном случае получение одним кредитором предпочтения перед иными кредиторами должника?

На этот вопрос, как нам очевидно из содержания рассмотренного определения, Верховный Суд РФ дает отрицательный ответ, не усматривая в такого рода обстоятельствах оснований для признания сделки недействительной. В этом отношении Иван Васильевич отмечает, что действия кредитора, требующего уменьшения цены по договору в связи с недостатками товара/услуги, за которые отвечает должник, не являются действиями по получению предпочтения, так как в противном случае следовало бы прийти к выводу о том, что сторона, несмотря на поставленный товар ненадлежащего качества, вынуждена была бы платить за товар надлежащего качества.

Отметим, однако, что в связи с намеренным умолчанием Верховного Суда РФ, в принципиальной плоскости вопрос о природе сальдирования остается открытым. В частности, отмечая, что установление сальдо взаимных предоставлений не является сделкой, которая может быть оспорена на основании Закона о банкротстве, суд не дает ответа на вопрос о том, является ли сальдирование сделкой само по себе?

В соответствии с установлением нормы статьи 153 ГК РФ, сделки — это действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Переложив декларируемое гражданским законодательством понятие сделки на позицию Верховного Суда РФ, выраженную в Определении от 29.01.2018 № 304-ЭС17-14946, установлению подлежит следующее обстоятельство: являются ли «действия, направленные на установление сложившегося в пользу заказчика сальдо взаимных предоставлений», как их именует ВС РФ, разновидностью сделки? Либо же словоупотребление «действия», допущенное судом, является в

известном смысле условностью, не отражающей действительное содержание рассматриваемого явления?

Глава 1. Анализ Определения Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 02.05.2017 № 305-ЭС16-20304

§ 1. Фактические обстоятельства дела

Непростая судьба вопроса об отнесении сальдирования к категории сделок и вообще юридических действий может быть рассмотрена нами на примере определения Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 02.05.2017 № 305-ЭС16-20304. Указанный судебный акт был постановлен Верховным Судом РФ в период формирования подхода практики к вопросу сальдирования. Именно поэтому история его рассмотрения и позиция, принятая в итоге Судебной коллегией, позволяет наглядным образом проиллюстрировать противоречивость возможных ответов на поставленный нами вопрос.

Обстоятельства указанного дела складывались следующим образом. Между ЗАО «Гортехпроектпоставка» (Лизингополучатель) и ЗАО «ШРЕИ Лизинг» (Лизингодатель) в 2014 году было заключено 7 договоров выкупного лизинга. Впоследствии по соглашению сторон договоры были расторгнуты, предметы лизинга возвращены лизинговой компании (лизингодателю).

Определением Арбитражного суда города Москвы от 12.02.2015 принято заявление о признании ЗАО «Гортехпроектпоставка» банкротом. Решением того же суда от 01.04.2015 в отношении Лизингополучателя введена процедура конкурсного производства.

Конкурсным управляющим в рамках исполнения обязанностей, возложенных на него нормой пункта 2 статьи 129 Закона о банкротстве, предъявлено требование о взыскании задолженности, имеющейся у ЗАО «ШРЕИ Лизинг» перед ЗАО «Гортехпроектпоставка».

Иск заявлен конкурсным управляющим на основании статьи 1102 ГК РФ и мотивирован тем, что в связи с расторжением ранее заключенных между сторонами договоров выкупного лизинга у ЗАО «ШРЕИ Лизинг» как лизингодателя отпали основания для удержания полученных от лизингополучателя платежей, размер которых превышает величину

финансирования и платы за финансирование приобретения предмета лизинга. В обоснование заявленных требований по возврату неосновательного обогащения конкурсным управляющим предъявлен расчет задолженности по договорам выкупного лизинга.

Суд первой инстанции со ссылкой на позицию, выраженную в Постановлении ВАС РФ № 17 от 14.03.2014, произвел расчет сальдо встречных обязательств и определил завершающую обязанность одной стороны в отношении другой по каждому договору, установив, что по договорам № 3, № 7 и № 10 сальдо на общую сумму 1 036 018,08 руб. оказалось в пользу Лизингодателя, а по договорам № 5, № 6, № 8 и № 9 на общую сумму 1 231 036,27 руб. — в пользу Лизингополучателя. Требования истца были удовлетворены частично, в пользу ЗАО «Гортехпроектпоставка» взыскано 195 018,19 руб.⁸.

На указанное решение ЗАО «ШРЕИ Лизинг»⁹ и ЗАО «Гортехпроектпоставка» поданы апелляционные жалобы. Лизингополучатель мотивировал свою жалобу тем, что судом неправомерно произведен зачет сложившихся по спорным договорам лизинга сальдо как в пользу истца, так и в пользу ответчика, поскольку истец находится в процедуре банкротства. Апелляционный суд оставил решение суда первой инстанции в силе. Довод истца о неправомерно произведенном зачете суд отверг, указав, что нормы Закона о банкротстве, касающиеся ограничения производства зачета, нельзя признать применимыми в данном контексте, поскольку суд первой инстанции при расчете сальдо *производил арифметические действия по каждому из договоров без применения положений статьи 410 Гражданского кодекса РФ*¹⁰.

Суд кассационной инстанции, рассмотрев жалобу Лизингополучателя, поданную на постановление Девятого арбитражного апелляционного суда,

⁸ Решение Арбитражного Суда города Москвы от 12 апреля 2016 г. по делу № А40-188536/15-112-1518;

⁹ Ответчик мотивировал свою жалобу тем, что судом не были учтены убытки в виде неполученных лизинговых платежей, а также не приняты во внимание Соглашения о расторжении договоров лизинга, которыми стороны урегулировали убытки.

¹⁰ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 06.07.2016 № 09АП-26620/2016-ГК;

доводы жалобы отверг и оставил в силе решения нижестоящих судов без изменений¹¹.

§ 2. Соотношение арифметических и фактических действий

Подводя промежуточный итог рассмотрения дела, отметим, что, в целом, подход судов созвучен последующей практике Верховного Суда РФ, рассмотренной нами выше. Также следует сказать, что судами была воспринята и применена позиция Высшего Арбитражного Суда РФ, изложенная в постановлении Пленума № 17 от 14.03.2014 и ранее рассмотренная нами.

Тезис, представляющий наибольший интерес для нас, был озвучен судом апелляционной инстанции в данной им оценке доводам жалобы Лизингополучателя. Расчет сальдо, произведенный судом первой инстанции, представляет собой **арифметические действия** по каждому из договоров без применения положений статьи 410 Гражданского кодекса РФ.

Важность указанной констатации обусловлена некоторой степенью неопределённости, оставленной ВАС РФ в Постановлении Пленума № 17 от 14.03.2014. Как мы помним, Высший Арбитражный Суд отметил, что расторжение договора выкупного лизинга порождает необходимость соотнести взаимные предоставления сторон по договору, совершенные до момента его расторжения (произвести расчет сальдо встречных обязательств), и определить завершающую обязанность одной стороны в отношении другой. Отмеченная нами неопределенность указанного положения выражается в том, что обязанность произвести расчет сальдо оказалась лишь продекларирована судом, но не была возложена на какого-либо конкретного субъекта спорных материальных или процессуальных правоотношений.

Суд апелляционной инстанции в определении по делу не устраняет обозначенной неопределенности, но указывает, что расчет сальдо, будучи произведенными судом, представляет собой арифметическое действие. Как

¹¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17.10.2016 № Ф05-14864/2016 по делу № А40-188536/2015;

известно, **арифметическое действие — это процесс нахождения по двум данным числам одного нового числа.** Акцент на числах в представленном определении не случаен. Число — количество считаемого, поддающегося счету¹². В этом смысле, проводя операции с числами, суд имеет дело не с податливой к изменениям материей права, но с фактами объективной действительности. На основе познанных в ходе процесса обстоятельств суд лишь выносит суждение о фактах, имевших место в действительности и поэтому поддающихся счету. В связи с этим, представляется, что апелляционный суд, определяя расчет сальдо как «арифметические действия» желает явным образом понятийно отдалить указанный процесс от такого понятия как «юридическое действие».

Юридическое действие — всякий поступок лица, выражающий его волю или совершенный по его вине и ведущий к установлению, видоизменению или прекращению юридических отношений между ним и другими лицами¹³. К юридическим действиям или, говоря иначе, юридическим актам относятся сделки, акты органов власти, а также акты суда.

Сопоставив два приведённых понятия (арифметические и юридические действия) следует прийти к выводу о том, что ключевым различием в смысле их правовой природы следует полагать волевой аспект такого действия, то есть аспект, свидетельствующей о совершении лицом волевого акта, направленного на изменение, установление или прекращение прав и обязанностей. Если в случае классификации расчета сальдо в качестве арифметических действий суд лишь констатирует уже состоявшийся в прошлом факт поглощения меньшего предоставления большим, то в случае отнесения такого расчета к категории юридических действий суд своим волевым актом изменяет правоотношения сторон, прекращая их в совпавшей части.

¹²Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – Москва : Азбуковник, 2000. – 940 с.

¹³ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. — С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон. 1890—1907;

Тем не менее в комментируемых актах суды апелляционной и кассационной инстанции придерживались первого из обозначенных подходов, рассматривая расчет сальдо лишь в качестве констатации фактических обстоятельств, но не самостоятельного юридического акта суда.

§ 3. Анализ позиции Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации

С позицией Девятого арбитражного апелляционного суда и Арбитражного суда Московского округа не согласился Верховный Суд РФ. Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ отменила акты нижестоящих судов и направила дело на новое рассмотрение¹⁴.

Свою жалобу на постановление Арбитражного суда Московского округа Лизингополучатель мотивировал следующим. По мнению истца, ввиду банкротства Лизингополучателя недопустимым являлся зачет встречных требований, произведенный судом по не связанным между собой договорам, вне зависимости от их рассмотрения в одном производстве.

Комментируя доводы жалобы, Верховный Суд РФ отметил, что соотнесение взаимных предоставлений, имевших место на момент расторжения договоров, и определение завершающей обязанности было выполнено судом первой инстанции правомерно. Тем не менее Верховный Суд РФ указал, что сумма удовлетворенных требований подлежала взысканию в пользу истца, в то время как по требованиям, где сальдо сложилось не в его пользу, Лизингополучателю в удовлетворении иска следовало отказать.

Указанное суждение Верховный Суд РФ мотивировал тем, что в отсутствие встречного иска со стороны лизинговой компании у судов не было законных оснований для взыскания денежных средств с общества и проведения зачета. Само же по себе требование Лизингополучателя о взыскании в его пользу

¹⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 02.05.2017 № 305-ЭС16-20304 по делу № А40-188536/2015;

денежных средств по всем семи договорам **не свидетельствовало о том, что истец заявлял о зачете встречных требований лизинговой компании**. Кроме того, суд также указал, что в связи с признанием ЗАО «Гортехпроектпоставка» банкротом требования по исполнению обязательств истца по договорам, в которых сальдо сложилось в пользу Лизингодателя, должны быть рассмотрены судом в рамках дела о банкротстве Лизингополучателя. Более того, Верховный Суд не остановился на изложенном и прямо продекларировал: «Установление судами разности между объемами встречных денежных обязательств истца и ответчика по своей правовой природе является зачетом встречного однородного требования и регулируется статьей 410 ГК РФ. Иная квалификация этих правоотношений, предложенная судами, не соответствует закону».

Последняя констатация может показаться нам особенно неожиданной в свете более поздних позиций Верховного Суда, принятых им спустя всего год после вынесения заявленного решения. Указанное, однако, может быть списано нами на лишь формирующуюся в тот момент судебную практику. Тем не менее считаем необходимым более подробно осветить ряд доводов, высказанных судом в определении от 02.05.2017 № 305-ЭС16-20304 и имеющих значение для рассматриваемого нами вопроса.

Во-первых, Верховный Суд РФ, как нами уже было отмечено, указывает, что установление судами разности между объемами встречных денежных обязательств истца и ответчика по своей правовой природе является зачетом. Судебная коллегия по экономическим спорам явным образом выражает несогласие с ранее данной нижестоящими судами оценкой сальдирования как арифметического действия. С точки зрения Верховного суда, сальдирование однозначно является волевым актом, то есть юридическим действием.

Напомним, что юридическим действием является как сделка, так и акт суда. В связи с этим следует сказать, что обнаружив и провозгласив волевой элемент в правоотношениях, складывающихся в процессе расчета сальдо взаимных предоставлений, суд оказался на некоторой развилке, где первый путь предполагал формулировку сальдирования в качестве сделки зачета, а второй

возлагал бы соответствующие полномочия на суд, который вправе своим актом изменить правоотношения и прекратить их в совпадающей части.

Второй довод является последовательным продолжением первого и, более того, его закономерным следствием. Итак, сальдирование является сделкой зачета. В комментируемом определении суд указывает, что по тем требованиям, где сальдо сложилось в пользу истца, взыскание денежных средств по итоговому обязательству в его пользу является правомерным и обоснованным. В то же время по требованиям, где в результате соотнесения взаимных предоставлений было обнаружено, что сальдо сложилось в пользу ответчика, истцу следовало лишь отказать в удовлетворении требований, так как Лизингодатель не заявлял встречного иска о зачете. Далее, однако, Верховный Суд РФ отмечает, что даже путем подачи встречного иска реализовать свое право на зачет Лизингодатель не правомочен в силу запрета сделок зачета, установленного Законом о банкротстве.

Оставив за скобками вопрос о применимости в данном контексте запретов, установленных Законом о банкротстве¹⁵, полагаем необходимым более внимательно рассмотреть тезис Верховного Суда РФ, касающийся порядка разрешения дела, а именно указания на необходимость отказа в удовлетворении требований по тем договорам, где сальдо сложилось не в пользу истца.

Полагаем, что, рассматривая обозначенный довод Верховного Суда, следует отдельно прокомментировать как процессуально-правовые аспекты такого решения, так и возможные материально-правовые предпосылки для его вынесения.

¹⁵ Применимость такого запрета Верховный Суд РФ опровергнет в Определении от 29.01.2018 № 304-ЭС17-14946;

Глава 2. Анализ правовых аспектов реализации концепции сальдирования взаимных предоставлений

§ 1. Процессуально-правовые аспекты

Говоря о процессуально-правовых аспектах указанного решения, первым и, вероятно, важнейшим элементом, заслуживающим наше внимание, являются требования истца, заявленные им в рамках данного дела. Обращенное в суд первой инстанции требование о защите своих прав и интересов, как указывал М.А. Гурвич, представляет собой содержание понятия иска в процессуальном смысле¹⁶. Иск является средством возбуждения гражданского процесса, первым актом коммуникации истца с судом.

Действия по возбуждению процесса, совершаемые истцом, не сводятся к механическому запуску процесса судопроизводства, так как формулируя исковые требования, истец доносит до суда не только информацию о фактических обстоятельствах дела, но и сообщает ему информацию об испрашиваемой форме защиты нарушенного права.

Такая информация, согласно позиции М.А. Гурвича, представляет собой суть **содержание иска** и, наряду с предметом и основанием иска, является одним из существенных элементов, образующих иск¹⁷. По выражению исследователя, содержание иска, придавая обращению в суд двигательную силу, объединяет и связывает остальные его элементы, образуя целостное требование, то есть иск в процессуальном смысле. В своей объективной форме содержание иска сводится к просительному пункту искового заявления.

Анализ просительного пункта, и, соответственно, содержания иска, позволяет нам установить процессуальную цель истца, получить информацию о том, что именно истец испрашивает у суда. Такая процессуальная цель является основой для видовой классификации исков. По процессуальной цели истца иски

¹⁶ Гурвич М.А. Право на иск. М.; Л., 1949. С. 45, 145.

¹⁷ Гурвич М.А. Учение об иске / отв. ред. М. С. Шакарян. М., 1982. С. 10.

подразделяются на иски о признании, иски о присуждении и иски о преобразовании.

Не имея возможности подробно останавливаться на каждом из обозначенных видов исков, для целей данной работы предлагаем кратко рассмотреть особенности каждого из обозначенных элементов классификации.

Иск о признании — требование истца к суду о подтверждении наличия или отсутствия права или правоотношения. Объективными предпосылками или фактами повода к иску о признании являются отрицание права и оспаривание права, что в общем виде может быть представлено как состояние правовой неопределенности, колеблющее законные интересы истца. В этом случае истец обращается в суд за государственно-властным подтверждением своих прав. Важным замечанием в данном контексте является тот факт, что право истца, выступившее материально-правовым основанием для предъявления иска о признании, не является нарушенным. Охранительное право¹⁸, опосредующее возможность истца предъявить иск о признании, возникает в результате возникновения ситуации правовой неопределенности.

В иске о присуждении мы можем наблюдать совершенно иную картину. Фактом повода к иску о присуждении выступает факт нарушения регулятивного права¹⁹ истца. Имея ввиду наименование указанного вида исков, нетрудно оказывается установить его содержание. Иск о присуждении — требование истца к суду о принуждении ответчика к совершению определенных действий или к воздержанию от действий. Отметим также, что иск о присуждении в известном смысле “поглощает” собой иск о признании, так как в любое присуждение имманентно заложено признание существующего субъективного права, подлежащего принудительному исполнению. Результат судебной деятельности по данной категории исков воплощается в судебном решении,

¹⁸ Охранительное право — возможность определенного поведения лица в конфликтной ситуации, предоставленные ему в целях защиты регулятивного субъективного права или охраняемого законом интереса. Е. А. Крашенинников К теории права на иск. — Ярославль, 1995. — С. 1.

¹⁹ Регулятивными являются права, призванные опосредовать нормальное развертывание имущественных и связанных с ними личных неимущественных отношений, например, право собственности или права, возникающие из договоров. Е. А. Крашенинников Указ. соч. — С. 1.

содержащем обязательный к исполнению приказ сторонам действовать определенным образом.

Иск о преобразовании — адресованное суду требование истца об изменениях в его правовом положении. Целью преобразовательного иска, таким образом, является изменение или прекращение материальных правоотношений, выступавших предметом судебной деятельности в конкретном деле. Принципиальным отличием исков данного вида является то обстоятельство, что решение суда, вынесенное по таким требованиям, выступает самостоятельным фактом правовой действительности устанавливающим, изменяющим и прекращающим права и обязанности. В связи с конститутивным значением таких судебных актов их принудительное исполнение не является необходимым. Требование истца адресовано суду, и сам суд, вынося решение, способен удовлетворить такое требование.

Важность сформулированной классификации обусловлена следующим. Каждому из рассмотренных видов исков свойственно решение суда определенного вида. В результате удовлетворения иска о признании судом будет вынесено решение о признании, иска о присуждении — решение о присуждении, иска о преобразовании — решение о преобразовании. Как было отмечено ранее, каждое из указанных решений обладает самостоятельным юридическим содержанием и в этом смысле создает уникальные правовые последствия, свойственные каждому из указанных видов решений. Законная сила решения о признании выражается в законном подтверждении существования или отсутствия права, законная сила решения о присуждении выражается в приказе действовать определенным образом, постановленным судом и обеспеченным силой государственного присуждения, а законная сила решения о преобразовании выражается в изменении или прекращении прав и обязанностей сторон процесса непосредственно актом суда.

Принимая во внимание, что в основании описанных классификаций иска и судебного решения лежит процессуальная цель истца или, иначе говоря, содержание иска, представляется, что значимость сформулированного истцом

требования не может быть нами недооценена. Анализируя позицию Верховного Суда РФ, высказанную им в определении от 02.05.2017 № 305-ЭС16-20304, следует поставить вопрос о том, какой в действительности была испрошенная истцом форма защиты нарушенного права?

Как мы помним, в рамках рассматриваемого дела иск был заявлен конкурсным управляющим ЗАО «Гортехпроектпоставка» на основании статьи 1102 ГК РФ. В соответствии с нормой пункта 1 статьи 1102 ГК РФ, лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество за счет другого лица, обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество. Ссылаясь на указанную норму материального права, истец просил суд взыскать с ответчика ЗАО «ШРЕИ Лизинг» денежные средства в размере 6.296.265,44 руб. как сумму неосновательно удержанных Лизингодателем платежей после расторжения ранее заключенных между сторонами договоров лизинга.

Описанная просительная часть искового заявления ЗАО «Гортехпроектпоставка» в терминологии гражданского процесса может быть сформулирована нами как адресованное суду требование истца о государственно-властном признании существования за ним субъективного права на денежные средства в испрашиваемом размере, а также о понуждении ЗАО «ШРЕИ Лизинг» к выплате указанной суммы денежных средств в пользу ЗАО «Гортехпроектпоставка». Сопоставив указанную формулировку содержания иска, полагаем, что единственно верным выводом в рассматриваемых обстоятельствах будет отнесение исковых требований ЗАО «Гортехпроектпоставка» к категории исков о присуждении. Во всяком случае такая констатация совершенно точно являлась справедливой в момент предъявления иска.

В то же время Решение Арбитражного Суда города Москвы от 12 апреля 2016 г. по делу № А40-188536/15-112-1518 по своему содержанию сочетало в себе свойства как решения о присуждении, так и решения о преобразовании. Так, судом первой инстанции по результатам рассмотрения дела не только был

постановлен адресованный ЗАО «ШРЕИ Лизинг» приказ действовать определенным образом (возвратить истцу суммы неосновательного обогащения), но и был сделан обязательный для сторон вывод о прекращении субъективных прав в их совпадающей части. Если первый элемент решения Арбитражного Суда города Москвы представляет собой типичный пример решения о присуждении, то его вторая часть, касающаяся изменения и прекращения прав и обязанностей, иллюстрирует его преобразовательную сущность.

Отметим, что совмещение в одном судебном акте двух различных видов судебного решения не противоречит законодательству и судебной практике. В частности, Арбитражный Суд Республики Марий Эл в постановлении от 28.01.2019 № 06/19²⁰, обобщая практику применения гражданского законодательства о прекращении обязательств, указывал, что решение суда о применении статьи 333 ГК РФ по иску должника имеет преобразовательный эффект. В таком решении, по мнению суда, объединяются преобразовательный иск и иск о присуждении. Таким образом, постановление судом решения, совмещающего в себе признаки решения о присуждении и решения о преобразовании, само по себе может быть оценено нами в качестве принципиально возможного. Являлся ли для суда в рассматриваемом деле возможным переход от иска о присуждении к иску, включающему в себя также требования о преобразовании, с последующим вынесением решения, сочетающего в себе указанные качества?

Указание, сделанное нами на момент предъявления иска, не случайно. Обратившись к доктрине тождества исков, мы обнаружим два различных ответвления указанного института: внешнее и внутренне тождество исков.

Не имея возможности подробно рассматривать институт внешнего тождества исков, отметим следующее. Внешнее тождество исков по своему правовому содержанию опирается на нормы законодательства,

²⁰ Постановление Арбитражного Суда Республики Марий Эл от 28.01.2019 № 06/19;

устанавливающие запрет на повторное предъявление тождественных исков²¹. При этом критериями для определения внешнего тождества для цели применения таких норм процессуального законодательства являются такие элементы иска как основание, предмет и стороны.

Несмотря на терминологическое сходство, институт внутреннего тождества исков в качестве области своей реализации имеет иной темпоральный промежуток бытия иска. Если во внешнем тождестве имеет место сличение предъявленного иска с исками, по которым уже были вынесены судебные решения, то при определении внутреннего тождества иска во внимание принимается тождественность иска самому себе на всем протяжении процесса. Свое нормативное закрепление институт внутреннего тождества исков получает в нормах процессуальных кодексов²², описывающих возможность истца изменить основание или предмет иска. Таким образом, внутреннее тождество исков — это правило о том, что на всем протяжении процесса иск должен сохранять и обеспечивать тождество самому себе.

Законодателем в формулировках указанных норм применяется разделительный союз «или». Это связано с содержанием правовой конструкции, лежащей в основе внутреннего тождества иска. Такое тождество считается сохраненным и обеспеченным, если изменён только один элемент – или предмет, или основание. Отметим, что среди критериев тождества, то есть элементов иска, подлежащих сличению, законодателем выделяются лишь два элемента: основание и предмет. При этом ранее рассмотренный нами элемент, описывающий форму испрашиваемой судебной защиты (содержание иска), оказался не упомянут законодателем среди таких критериев. Является ли это умолчание случайным или ошибочным?

²¹ Подпункт 2 пункта 1 статьи 150 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации; Подпункт 2 пункта 1 статьи 134 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации; Подпункт 4 пункта 1 статьи

²² Пункт 1 статьи 49 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации; пункт 1 статьи 39 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации; Пункт 1 статьи 46 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

Исключение содержания иска из числа критериев внутреннего тождества не является пробелом в правовом регулировании в силу закономерностей материального права и ряда установлений процессуального закона. М. А. Гурвич полагал, что содержание иска не может быть признано критерием внутреннего тождества иска в силу существования регламентируемых материальным правом альтернативных обязательств. Так, в случае перехода от одного альтернативного обязательства к другому и следующего за этим изменения способа защиты в рамках рассмотрения дела иск сохранит свое внутреннее тождество²³.

Процессуальной предпосылкой для исключения содержания иска из критериев внутреннего тождества является институт индивидуализации иска. В рамках теории индивидуализации иска исследователями выделяется²⁴ два направления: теория юридической индивидуализации иска и теория фактической индивидуализации иска.

Сущность указанных концепций состоит в следующем. В соответствии с теорией юридической индивидуализации иск индивидуализируется правоотношением, лежащим в основании спора о праве. Свое процессуальное выражение указанная теория находит в необходимости указания конкретной нормы права, на которой истец основывает свое требование. Указанная норма связывает собой суд, так как становится обязательной к применению. В то же время оборотной стороной обозначенной возможности истца избрать применимую, по его мнению, норму права является то обстоятельство, что в случае допущения истцом ошибки в юридической квалификации отношений и избрания некорректной нормы такой истец проигрывает дело.

Теория фактической индивидуализации иска, напротив, исходит из идеи о том, что индивидуальность иску придают исключительно факты, на которых истец основывает свое исковое притязание. В.М. Гордон, отстаивая правильность и применимость данной теории, указывал, что положение суда и в

²³ Гурвич М.А. Учение об иске / отв. ред. М. С. Шакарян. М., 1982. С. 10.

²⁴ Гордон В.М. Основание иска в составе изменения исковых требований. - Ярославль, Типография губернского правления, 1902 г. – 335 с.

отношении тяжущихся и перед законом требует, чтобы суд руководствовался только теми законами, которые, по его собственному разумению, подходят к данному случаю²⁵. Иными словами, теория фактической индивидуализации иска предполагает, что иск индивидуализируется правоотношением, из которого он предъявлен.

Для вывода о применении в Российской Федерации какой-либо их сформулированных теорий индивидуализации иска следует проанализировать установления процессуального законодательства. Законодатель, описывая требования, предъявляемые к форме и содержанию искового заявления, в норме статьи 131 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ), не именуется среди них указание на норму права, на которой истец основывает свое требование. В соответствии с нормой пунктов 4-5 части 2 статьи 131 ГПК РФ, формулируя исковое заявление, истцу следует указать лишь в чем заключается нарушение либо угроза нарушения прав, свобод или законных интересов истца и его требования, а также обстоятельства, на которых он основывает свои требования и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства. Кроме того, развивая логику фактической индивидуализации, законодатель соответствующим образом формулирует полномочия суда, реализуемые им при принятии решения. Так, согласно норме части 1 статьи 196 ГПК РФ, при принятии решения суд определяет, какой закон должен быть применен по данному делу.

Аналогичным образом вопрос индивидуализации иска регламентируется законодателем и в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации. Отметим, что в норме статьи 125 АПК РФ, аналогичной по объекту своего регулирования упомянутой статье 131 ГПК РФ, законодатель применяет иную конструкцию. В соответствии с пунктом 4 части 2 статьи 125 АПК РФ, формулировка требования истца к ответчику должна сопровождаться ссылкой на законы и иные нормативные правовые акты, на которых истец основывает

²⁵ Гордон В.М. Основание иска в составе изменения исковых требований. Ярославль, 1902. С.28-29.

свое требование. В то же время обозначенное отличие само по себе не колеблет применимость теории фактической индивидуализации иска в арбитражном процессе, так как, согласно части 1 статьи 168 АПК РФ, именно суд определяет какие законы и иные нормативные правовые акты следует применить по данному делу.

Кроме того, теория фактической индивидуализации иска также поддерживается и позицией высших судов. В частности, в пункте 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» суды указывают, что если на стадии принятия иска суд придет к выводу о том, что избранный способ защиты права собственности или другого вещного права не может обеспечить его восстановление, данное обстоятельство не является основанием для отказа в принятии искового заявления, его возвращения либо оставления без движения. Указанный вывод суды обосновывают тем, что именно суд, рассматривая дело, определяет, какие нормы права следует применить к установленным обстоятельствам.

В связи с этим однозначно следует заключить, что в российском правопорядке — как в законодательстве, так и судебной практике — нашла свое отражение именно теория фактической индивидуализации иска. Именно дискрецией суда в выборе применимой при разрешении дела нормы права и обусловлено исключение содержания иска из критериев внутреннего тождества иска. Иск перед лицом суда индивидуализируется именно фактическими обстоятельствами, поэтому вывод суда о невозможности применения избранного истцом способа защиты и необходимости применения иного способа, то есть иной нормы права, не противоречит внутреннему тождеству иска — интерес истца остается защищенным.

Принимая во внимание возможность суда самостоятельно определить применимую норму права, необходимо поставить вопрос о том, где находятся

пределы усмотрения суда. Правомочен ли суд определить содержание иска таким образом, чтобы требования истца из иска о присуждении оказались переквалифицированы в преобразовательный иск, как это происходит при соотнесении судом взаимных предоставлений сторон по договору и определении завершающей обязанности одной стороны в отношении другой?

Полагаем, что на указанный вопрос следует ответить отрицательно. Ограничение дискреции суда в выборе применимых норм права заложено в само содержание теории фактической индивидуализации иска. Если иск индивидуализируется фактами, на которых он основывается, то такие факты сами по себе выступают естественным ограничением свободы усмотрения суда в выборе применимых норм права. Иными словами, в условиях главенства теории фактической индивидуализации иска суд свободен в выборе законов, применимых **именно к тем фактам, которые стали предметом рассмотрения по делу.**

Аналогичной позиции в данном вопросе придерживаются и высшие суды. В вышеупомянутом пункте 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29.04.2010 суды среди прочего устанавливают, что принимая решение по делу, суд в силу части 1 статьи 196 ГПК РФ или части 1 статьи 168 АПК РФ определяет, какие нормы права следует применить **к установленным обстоятельствам.**

Указанная констатация предопределяется не только конструкцией института фактической индивидуализации иска и позицией высших судов, но и самой структурой нормы права. Известно, что классическим воззрением на внутреннее строение нормы права является представление о ее дроблении на ряд структурных элементов: гипотезу, диспозицию и санкцию.

Условия, при которых норма подлежит применению, описываются законодателем в гипотезе такой нормы. Таким образом, гипотеза, в сущности, представляет собой изложение фактических обстоятельств, влекущих применение той или иной нормы права. Суду в контексте фактической индивидуализации иска надлежит, исходя из обстоятельств дела, выбрать и

применить в решении ту норму права, гипотеза которой наиболее точным образом совпадает с фактическим составом дела.

Не является исключением и решение по комментируемому делу. Для оценки корректности и правомерности позиции, принятой по делу Верховным Судом РФ, необходимо оценить, были ли у Арбитражного Суда города Москвы и Девятого арбитражного апелляционного суда основания для вывода о наличии в обстоятельствах дела фактического состава, позволяющего констатировать необходимость трансформации искового требования истца из иска о присуждении в иск, совмещающей в себе требования о присуждении и требования о преобразовании.

Преобразовательное свойство было сообщено решению по делу в результате произведенного судом первой инстанции прекращения взаимонаправленных обязательств сторон в их совпадающей части. По своему правовому содержанию такое прекращение является зачетом.

Порядок и условия прекращения обязательств зачетом описывается законодателем в норме статьи 410 ГК РФ. Как было отмечено нами ранее, одним из значимых и существенных элементов гипотезы нормы статьи 410 ГК РФ является необходимость волеизъявления хотя бы одной стороны зачета на совершение такой сделки.

При совершении классического гражданско-правового зачета такое волеизъявление приобретает форму односторонней сделки. Судебная практика, однако, долгое время придерживалась позиции, в соответствии с которой зачет путем совершения односторонней сделки оказывается невозможен после предъявления в суд иска к лицу, имеющему право заявить о зачете. В частности, Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в пункте 1 Информационного письма № 65 от 29.12.2001²⁶ высказывал точку зрения, в соответствии с которой обязательство не может быть прекращено зачетом встречного однородного требования, срок которого наступил, после предъявления иска к лицу,

²⁶ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 29.12.2001 № 65 «Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований»;

имеющему право заявить о зачете. В то же время Президиум ВАС РФ отмечал, что зачет в таком случае может быть произведен при рассмотрении встречного иска. Приведённая позиция ВАС РФ неоднократно критиковалась исследователями как существенным образом затрудняющая оборот²⁷, но тем не менее она была вновь продекларирована Высшим Арбитражным Судом РФ в Постановлении Президиума ВАС РФ от 07.02.2012 N 12990/11. В данном судебном акте высший суд высказался еще более определенно, указав, что после предъявления иска к лицу, имеющему право заявить о зачете, данное право может быть реализовано только путем заявления встречного иска.

Либерализация подхода судебной практики была продекларирована Верховным Судом РФ в Постановлении Пленума №6 от 11.06.2020²⁸. В пункте 19 данного постановления Верховный Суд указал, что «обязательства могут быть прекращены зачетом после предъявления иска по одному из требований. В этом случае сторона по своему усмотрению вправе заявить о зачете как во встречном иске, так и в возражении на иск, юридические и фактические основания которых исследуются судом равным образом... В частности, также после предъявления иска ответчик вправе направить истцу заявление о зачете и указать в возражении на иск на прекращение требования, по которому предъявлен иск, зачетом».

Необходимо отметить, что и гражданско-правовой зачет, осуществляемый до предъявления иска, и зачет, производимый судом при удовлетворении встречного и первоначального исков, помимо иных сходств, обладают одним существенным для нас общим элементом гипотезы своего применения.

Как классический, так и «судебный» зачет для своего совершения требуют волеизъявления стороны. Если в гражданско-правовом зачете, как было отмечено ранее, такое волеизъявление приобретает форму односторонней сделки, то в зачете, осуществляемом перед лицом суда, волеизъявление облекается в форму встречного иска. Однако независимо от формы такого

²⁷ Карапетов А.Г. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307 - 453 Гражданского кодекса Российской Федерации. М-Логос. 2017.

²⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств»;

волеизъявления оно остается необходимым элементом фактического состава, предопределяющего применение нормы статьи 410 ГК РФ и иных положений законодательства, регламентирующих порядок прекращения обязательств зачетом.

На основании изложенного полагаем, что независимо от дискреции суда в выборе норм права, применимых при разрешении дела, произвольная трансформация судом иска о присуждении в иск, включающий в себя также требования о преобразовании, недопустима в условиях отсутствия необходимого фактического состава, соответствующего гипотезе правовой нормы. В связи с этим следует согласиться с Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в ее позиции о том, что в отсутствие встречного иска со ЗАО «ШРЕИ Лизинг» у судов не было законных оснований для взыскания денежных средств с лизингополучателя и проведения зачета.

§ 2. Материально-правовые аспекты

Обратимся к содержанию материальных правоотношений договора выкупного лизинга, заключенного между сторонами ЗАО «Гортехпроектпоставка» и ЗАО «ШРЕИ Лизинг». Так, согласно позиции, изложенной ВАС РФ в пункте 2 Постановления Пленума № 17 от 14.03.2014, приобретение лизингодателем права собственности на предмет лизинга служит для него обеспечением обязательств лизингополучателя по уплате установленных договором платежей, а также гарантией возврата вложенного. Иными словами, выкупной лизинг — это предоставление должнику финансирования под обеспечение в виде прав на приобретаемый лизингодателем (кредитором) для лизингополучателя (должника) актив²⁹.

Довод об обеспечительном характере договора лизинга не был нов и в 2014 году, когда он получил свое закрепление в Постановлении Пленума ВАС РФ. Также указанную точку зрения в своих публикациях высказывал С.В. Сарбаш.

²⁹ Громов С.А. Общее сальдо встречных обязательств по нескольким договорам лизинга при банкротстве лизингополучателя. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 02.05.2017 N 305-ЭС16-20304. «Вестник экономического правосудия Российской Федерации» - № 5 - 2017.

Исследователь отмечал, что одна из главенствующих целей создания такой конструкции, как лизинг, — цель обеспечительная, позволяющая кредитору считаться собственником имущества, а эксплуатировать его — должнику³⁰.

Обеспечение обязательств — это предоставление кредитору дополнительных возможностей по получению долга, в частности, в виде иного, чем имущественная масса должника, источника удовлетворения требований кредитора³¹. В случае с договором лизинга обеспечительная конструкция, нашедшая место в содержании договоров данного вида, относится к категории титульного обеспечения. Титульное обеспечение является способом обеспечения, не поименованным в норме 329 ГК РФ, и представляет собой передачу права собственности на предмет обеспечения кредитору. Следует отметить, что титульное обеспечение имеет определенную специфику по сравнению со сходной с ним конструкцией залога. Если конструкция залога в качестве способа обеспечения предполагает наделение кредитора особым вещным правом, то в титульном обеспечении за кредитором сохраняется право собственности. Тем не менее необходимо констатировать, что и залог, и титульное обеспечение являются лишь видовыми вариациями обеспечительных конструкций и равным образом, по выражению Г.Ф. Шершеневича, могут быть признаны ценностью, готовой всегда служить удовлетворению кредитора на случай неисполнительности должника³². В связи с изложенным следует согласиться с Громовым С.А. в его суждении о том, что к лизинговой операции (особенно при банкротстве должника) нужно подходить с позиций необходимости предоставления лизингодателю как обеспеченному кредитору преимуществ перед другими кредиторами³³.

В силу обеспечительной природы правоотношений в рамках договора выкупного лизинга в случае банкротства лизингополучателя избирательный

³⁰ Сарбаш С.В. Обеспечительная передача правового титула. «Вестник гражданского права» № 1 – 2008.

³¹ Карапетов А.Г. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307 - 453 Гражданского кодекса Российской Федерации. М-Логос. 2017.

³² Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. Тула. 2001. С. 314.

³³ Громов С.А. Указ. сочинение.

подход к требованиям, по которым осуществляется расчет сальдо встречных обязательств по договорам выкупного лизинга, неизбежно приведет к нарушению прав лизингодателя.

Обратимся к норме пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О финансовой аренде (лизинге)» от 29.10.1998 № 164-ФЗ (далее — Закон о лизинге). Согласно указанному положению закона, на предмет лизинга не может быть обращено взыскание третьего лица по обязательствам лизингополучателя. В этом смысле норма статьи 23 Закона о лизинге своим содержанием наглядно иллюстрирует волю законодателя, направленную на включение обеспечительной конструкции в договор выкупного лизинга, а также необходимость учета интересов лизингодателя, как лица, в сущности, равновесного залоговому кредитору.

Имея ввиду обеспечительную природу договора выкупного лизинга, судьба удовлетворения требований лизингодателя не может быть поставлена в зависимость от волеизъявления лизингополучателя, как истца, правомочного предъявить требования лишь по тем договорам, где сальдо сложилось в его пользу.

В связи с этим представляется, что указание Высшего Арбитражного Суда РФ на необходимость соотнести взаимные предоставления сторон договора выкупного лизинга, совершенные до момента его расторжения, продекларированное Постановлением Пленума № 17 от 14.03.2014, нацелено не только и не столько на предотвращение возможного получения стороной таких благ, которые поставили бы ее в лучшее имущественное положение, чем то, в котором она находилась бы при выполнении другой стороной договора в соответствии с его условиями. С учетом ранее рассмотренной невозможности произвольного изменения судом содержания иска (без надлежащего волеизъявления сторон) и трансформации иска о присуждении в иск о преобразовании, полагаем, что действительная цель декларации Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации обязательного расчета сальдо встречных предоставлений при расторжении договора выкупного лизинга

состоит в установлении режима автоматического зачета, обеспечивающего защиту прав и законных интересов сторон договора выкупного лизинга.

§ 3. Автоматический зачет

Сущность концепции автоматического зачета, как это очевидным образом следует из наименования указанного института, состоит в том, что для его осуществления не требуется дополнительного волеизъявления сторон. Так, по мнению А.В. Егорова, при автоматическом зачете правовые последствия, выражающиеся в прекращении встречных обязательств, вытекают либо непосредственно из содержания договора, либо являются следствием ранее согласованной воли сторон³⁴. Ввиду исключения из гипотезы такого зачета факта волеизъявления, при автоматическом зачете обязательства прекращаются в тот момент, когда они совпали друг с другом.

Концепция автоматического зачета известна целому ряду зарубежных правопорядков. Наиболее часто в качестве типичного примера установления нормы об автоматическом зачете в зарубежном правопорядке исследователями приводится ссылка на положения³⁵ Французского гражданского кодекса (далее — ФГК). В соответствии с нормами статей 1289-1290 ФГК, если два лица оба являются должниками друг друга, то между ними происходит зачет, погашающий оба долга. Такой зачет «происходит без обращения к суду, непосредственно в силу закона, даже без ведома должников; оба долга погашаются взаимно в тот момент, когда они оказываются одновременно существующими, в размере той части, в которой они существуют обоюдно». Аналогичные нормы содержатся в законодательстве Бельгии³⁶, Италии³⁷ и целого ряда иных иностранных государств.

³⁴ Егоров А.В Сальдирование и зачет: соотношение понятий для целей оспаривания при банкротстве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – № 7. – 2019.

³⁵ Французский гражданский кодекс 1804 г. с позднейшими изменениями до 1939 г. / Пер. И.С. Перетерского. М., 1941. С. 285, 285 - 286.

³⁶ Code Civil [Belgium]: textes en vigueur au 1er avril 2008 / par D. Philippe, D. Dehasse, A. Lilien. 6 ed 32768 Bruxelles, 2008. P. 189.

³⁷ Гражданское уложение Итальянского королевства и русские гражданские законы: опыт сравнительного изучения системы законодательства С.И. Зарудного. СПб., 1869. С. 331

Следует также отметить, что институт автоматического зачета известен отечественному порядку достаточно долгий срок. О возможности автоматического зачета в рамках реализации нормы статьи 129 Гражданского кодекса РСФСР 1922 года рассуждал М. М. Агарков³⁸. Вероятно, возникновение научной дискуссии вокруг вопроса об автоматическом зачете тогда было обусловлено несовершенством законодательной техники, выразившейся в отсутствии надлежащим образом установленной гипотезы нормы о зачете. В конечном итоге, исследователь, рассуждая о возможности осуществления зачета без соответствующего волеизъявления в рамках статьи 129 ГК РСФСР 1922 года, приходит к выводу о том, что законодатель, вероятнее всего, имеет ввиду классический волевой зачет, а неупоминание волевого элемента является лишь случайным пробелом. Тем не менее сам факт исследования указанного вопроса в российской правовой науке более полувека назад является наглядной иллюстрацией того, что вопрос о допустимости и порядке реализации автоматического зачета давно является объектом внимания отечественных правоведов.

Более того, присоединяясь к позиции В.А. Белова³⁹, полагаем, что современный отечественный правопорядок содержит нормы, в основе которых в действительности лежит институт автоматического зачета. В качестве одного из примеров такого установления закона ученым приводится ссылка на норму пункта 3 статьи 860.13 ГК РФ. В соответствии с указанной нормой, выплата банком депонированных для бенефициара денежных средств, а также их возврат депоненту осуществляется с учетом уплаченных или подлежащих уплате банком процентов за период с момента поступления депонированных денежных средств на публичный депозитный счет до их выплаты бенефициару или возврата депоненту за вычетом вознаграждения, причитающегося банку по договору публичного депозитного счета. Комментируя указанную норму, В.А. Белов

³⁸ Гражданское право: Учебник / Под ред. М.М. Агаркова, Д.М. Генкина. Т. I. М., 1944. С. 389.

³⁹ Белов В.А. Автоматический зачет взаимных требований: мировой опыт и положения Гражданского кодекса РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – № 12. – 2018.

отмечает, что, исходя из формулировки, использованной законодателем, у банка отсутствует право выбора в вопросе осуществления или отказа от осуществления зачета встречных обязательств выплаты процентов и получения вознаграждения за оказанные услуги. Банк, по мнению исследователя, “юридически не может (не имеет права) заплатить больше той разницы, которая образуется между суммой его долга по процентам и суммой его требования об уплате вознаграждения”. В связи с этим, отвечая на вопрос о механизме образования такой разницы, следует прийти к выводу о том, что такая разница могла образоваться исключительно из-за автоматического зачета, произошедшего в силу закона.

Иной иллюстрацией реализации института автоматического зачета в современном российском правопорядке может служить норма статьи 1108 ГК РФ. Регламентируя порядок возмещения затрат на имущество, подлежащее возврату, законодатель указывает, что приобретатель, возвращая имущество собственнику, вправе требовать возмещения всех затрат на его содержание с **зачетом полученных им выгод**. Полагаем, что употребляя в данном контексте термин “зачет”, законодатель также имеет ввиду не классический зачет, но зачет, происходящий автоматически в силу установления закона, так как само установление нормы не предполагает для приобретателя дискреции в вопросе совершения или отказа от совершения зачета и определения объемов требований, предъявляемых к собственнику сбереженной вещи.

Другими примерами норм гражданского законодательства, содержащих в себе установление законодателя о необходимости автоматического зачета требований, могут выступить нормы статьи 232 ГК РФ, пункта 5 статьи 239.1 ГК РФ, пункта 3 статьи 514 ГК РФ, пункта 6 статьи 720 ГК РФ и целый ряд иных положений гражданского законодательства.

В связи с этим полагаем, что введение законодателем института автоматического зачета применительно к правоотношениям, возникающим и имеющим место на момент расторжения договора выкупного лизинга, не будет являться чем-то новым и исключительным для отечественного правопорядка.

В этом смысле позиция, продекларированная Высшим Арбитражным Судом в пункте 3.1 Постановления Пленума № 17 от 14.03.2014, должна истолковываться нами в пользу идеи о том, что сальдирование, то есть соотнесение взаимных предоставлений сторон по договору, совершенных до момента его расторжения, происходит не в силу волеизъявления сторон, а автоматически при прекращении договорных отношений.

Отметим также, что такое толкование не только является закономерным следствием действия ранее рассмотренных норм материального и процессуального права и логичным образом встраивается в систему российского правопорядка, но также позволяет разрешить ряд сложностей и противоречий, возникших, в частности, при вынесении определения Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 02.05.2017 № 305-ЭС16-20304.

Так, в случае признания за сальдированием природы автоматического зачета, вопрос о применимости запрета на прекращение взаимных обязательств сторон зачетом, установленный Законом о банкротстве, потеряет свою актуальность. Указанная констатация обусловлена тем, что специальная, по сравнению с классическим зачетом, гипотеза нормы об автоматическом зачете, не включающая волеизъявление в число необходимых предпосылок, влечет за собой применение такой нормы непосредственно в момент фактического совпадения обязательств.

В то же время система оспаривания сделок при банкротстве предполагает возможность оспаривания какого-либо действия, то есть волевого акта, повлекшего получение заказчиком предпочтения. В условиях автоматического зачета и прекращения встречных обязательств в силу закона едва ли приходится говорить о возможности истолкования такого события в качестве действия. Так, по мнению А.В. Егорова, поскольку никто юридического действия не совершает, то нет и получения предпочтения, а значит и оснований для оспаривания в рамках норм Закона о банкротстве, устанавливающих запрет на осуществление сделок с предпочтением.

Кроме того, конструкция автоматического зачета также позволяет избежать возникновения разночтений в процессуальной плоскости указанного вопроса. Как было отмечено ранее, для суда произвольное изменение содержания иска оказывается невозможным в условиях отсутствия необходимого фактического состава, в частности, волеизъявления стороны в рамках ее коммуникации с судом. В случае же осуществления зачета в силу закона в момент совпадения встречных обязательств роль суда в рамках разрешения дела сводится не к преобразованию прав и обязанностей сторон процесса, что имело место в случае судебного зачета, но лишь в признании существования результирующего обязательства, возникшего в результате сальдирования. При этом такое признание по своей правовой природе не будет отличаться от признания судом существования субъективного права, производимого им при удовлетворении всех иных исков о присуждении.

Заключение

По результатам анализа теории расчета сальдо взаимных предоставлений, сформулированной Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации в Постановлении Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга», необходимо сделать следующие выводы.

Сальдирование представляет собой способ прекращения обязательств, предполагающий такое соотнесение взаимных предоставлений сторон договора, в результате которого вычленяется итоговое обязательство, подлежащее судебной защите. При этом действия, направленные на установление сложившегося в пользу стороны сальдо взаимных предоставлений, не являются сделкой ввиду отсутствия в них волевого элемента, присущего всем юридическим действиям.

Формулируя требования об обязательном расчете сальдо взаимных предоставлений при расторжении договора выкупного лизинга в пункте 3.1 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга», Высший Арбитражный Суд Российской Федерации констатирует наличие в конструкции договора лизинга такого установления законодателя, которое своей реализацией в момент расторжения договора выкупного лизинга влечет автоматическое прекращение встречных обязательств сторон договора в их совпадающей части. В отличие нормы статьи 410 ГК РФ, гипотеза которой предполагает обязательное одностороннее волеизъявление для осуществления зачета, прекращение обязательства сальдированием происходит при расторжении договора выкупного лизинга в силу закона, не устанавливая для сторон свободы усмотрения в вопросе существования их взаимных прав и обязанностей.

В то же время концепция автоматического зачета не является новой для отечественного правопорядка и находит свое отражение в целом ряде норм гражданского законодательства. Полагаем, что рассмотренное нормативное закрепление автоматического зачета являлось одной из предпосылок

сформировавшегося в судебной практике восприятия сальдирования именно в качестве одной из вариаций института автоматического зачета.

Иной предпосылкой для восприятия правоприменителем института сальдирования мы полагаем эффективность и удобство указанной конструкции для гражданско-правового оборота. Так, в частности, возможность автоматически прекратить встречные обязательства сторон при расторжении договора выкупного лизинга обеспечивает необходимую защиту прав и законных интересов сторон.

Ряд рассмотренных актов иллюстрируют наметившуюся в правоприменительной практике тенденцию к расширению применимости института сальдирования за пределы договора выкупного лизинга.

Полагаем, что теория сальдо является перспективным направлением для развития законодательства в области регулирования прекращения обязательств. В частности, некоторые исследователи размышляют о возможности перехода в будущем на презумпцию автоматического зачета встречных обязательств по договору.

Список использованных источников

Нормативно-правовые акты и иные официальные документы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2002 г. - № 46. – ст. 4532.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018) // Собрание законодательства РФ. – 2001. - № 49. – ст. 4552.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ [Электронный ресурс] (ред. от 08.12.2020) // СПС КонсультантПлюс
4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ [Электронный ресурс] (ред. от 30.04.2021) // СПС КонсультантПлюс
5. Федеральный закон "О финансовой аренде (лизинге)" от 29.10.1998 N 164-ФЗ [Электронный ресурс] (ред. от 16.10.2017) // СПС КонсультантПлюс
6. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [Электронный ресурс] (ред. от 20.04.2021) // СПС КонсультантПлюс
7. Code Civil [Belgium]: textes en vigueur au 1er avril 2008 / par D. Philippe, D. Dehasse, A. Lilien. 6 ed 32768 Bruxelles, 2008. P. 189.
8. Французский гражданский кодекс 1804 г. с позднейшими изменениями до 1939 г. / Пер. И.С. Перетерского. М., 1941. С. 285, 285 – 286.

Акты судебных органов

9. Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”» [Электронный ресурс] (ред. от 30.07.2013) // СПС КонсультантПлюс

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс
11. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 г. № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» [Электронный ресурс] (ред. от 23.06.2015) // СПС КонсультантПлюс
13. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29.12.2001 № 65 «Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс
14. Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 07.02.2012 № 12990/11 по делу N А40-16725/2010-41-134, А40-29780/2010-49-263 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс
15. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29.01.2018 г. № 304-ЭС17-14946 по делу N А46-6454/2015 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс
16. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 02.05.2017 № 305-ЭС16-20304 по делу № А40-188536/2015 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс
17. Решение Арбитражного суда города Москвы от 12.04.2016 г. по делу № А40-188536/15-112-1518 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс
18. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 06.07.2016 № 09АП-26620/2016-ГК по делу N А40-188536/15 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс

19. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17.10.2016 № Ф05-14864/2016 по делу № А40-188536/2015 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс
20. Постановление Арбитражного Суда Республики Марий Эл от 28.01.2019 № 06/19 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс

Научные и учебные издания

21. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. — СПб.: Брокгауз-Ефрон. 1890—1907.
22. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — Москва : Азбуковник, 2000. — 940 с.
23. Гурвич М.А. Право на иск. М.; Л., 1949. С. 45, 145
24. Гурвич М.А. Учение об иске / отв. ред. М. С. Шакарян. М., 1982.
25. Крашенинников Е. А. К теории права на иск. — Ярославль, 1995.
26. В. М. Гордон Основание иска в составе изменения исковых требований. — Ярославль, Типография губернского правления, 1902 г. — 335 с
27. Карапетов А.Г. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307-453 Гражданского кодекса Российской Федерации. М-Логос. 2017.
28. Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. Тула. 2001. С. 314.
29. Зарудный С.И. Гражданское уложение Итальянского королевства и русские гражданские законы: опыт сравнительного изучения системы законодательства. СПб., 1869. С. 331
30. Гражданское право: Учебник / Под ред. М.М. Агаркова, Д.М. Генкина. Т. I. М., 1944. С. 389.

Научные публикации

31. Егоров А.В. Зачет при банкротстве: российское право и мировые тенденции // Закон. — № 8. — 2011.

- 32.Егоров А.В Сальдирование и зачет: соотношение понятий для целей оспаривания при банкротстве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – № 7. – 2019.
- 33.Разумов И.В. Институт банкротства экономически неэффективен // Закон. – № 9. – 2020.
- 34.Громов С.А. Общее сальдо встречных обязательств по нескольким договорам лизинга при банкротстве лизингополучателя. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 02.05.2017 N 305-ЭС16-20304. // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – № 5. – 2017.
- 35.Сарбаш С.В. Обеспечительная передача правового титула. // Вестник гражданского права. – № 1. – 2008.
- 36.Егоров А.В. Сальдирование и зачет: соотношение понятий для целей оспаривания при банкротстве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – № 7. – 2019.
- 37.Белов В.А. Автоматический зачет взаимных требований: мировой опыт и положения Гражданского кодекса РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – № 12. – 2018.